

В. Э. МОЛОДЯКОВ

НЕПРОШЕДШЕЕ ПРОШЛОЕ

ОЧЕРКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ЯПОНИИ
XIX–XX ВЕКОВ

Нестор-История
Санкт-Петербург
2019

УДК 94
ББК 63.3(0)6
М754

Молодяков В. Э.

М754 Непрошедшее прошлое. Очерки политической и интеллектуальной истории Японии XIX–XX веков. — СПб.: Нестор-История, 2019. — 248 с.

ISBN 978-5-4469-1394-7

Включенные в книгу работы историка и политолога В. Э. Молодякова посвящены важным, но малоизученным в отечественной историографии проблемам интеллектуальной и политической истории Японии XIX–XX веков, от идейной и интеллектуальной подготовки консервативной революции Мэйдзи исин до восприятия исторического прошлого в современной Японии. Автор уделяет особое внимание перипетиям идейной и политической борьбы, проблемам пропаганды, пиара и моделирования образа. Среди героев книги есть и знаменитые иностранцы, связанные с Японией, — разведчик Рихард Зорге, писатель Клод Фаррер, художник и мыслитель Николай Рерих. Отличающаяся фундированностью и глубиной анализа, книга написана в общедоступной манере и будет интересна широкому кругу любителей истории.

ISBN 978-5-4469-1394-7

© Молодяков В. Э., 2019
© Издательство «Нестор-История», 2019

ПАМЯТИ
ЭЛГЕНЫ ВАСИЛЬЕВНЫ
МОЛОДЯКОВОЙ

ОТ АВТОРА

Собранные в настоящую книгу статьи посвящены различным проблемам интеллектуальной и политической истории Японии XIX–XX веков, но их объединяет научная и политическая актуальность рассматриваемых тем для современной Японии и ее соседей, включая Россию. К ним в полной мере применимы известные слова Эрнста Нольте о «прошлом», которое «так и не прошло», чем объясняется избранное мной заглавие.

Статьи сборника в разное время были опубликованы в российских академических изданиях. Для настоящего издания все они просмотрены и исправлены, некоторые переработаны и дополнены новыми материалами. Японские имена собственные в книге не склоняются и приводятся в соответствии с принятым в Японии порядком: сначала фамилия, потом имя — а также, за единичными устоявшимися исключениями, в соответствии с принятой в России «поливановской» транскрипцией.

Введение
ПРОШЛОЕ
КАК СОЦИАЛЬНАЯ
ЦЕННОСТЬ
И ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ПРОБЛЕМА

Японцы издревле принадлежат к числу народов, для которых собственное историческое прошлое является не только набором фактов и знаний, не только поводом для интеллектуальной рефлексии, но значимой и постоянно действующей социальной ценностью, одной из важнейших основ и констант их цивилизации и культуры. Это не является уникальной особенностью, присущей только японцам, и нельзя сказать, что японцы обладают этим в превосходной степени по отношению к другим народам. Однако, анализируя настоящее Японии и пытаясь прогнозировать ее будущее, необходимо не просто хорошо знать ее прошлое, но постоянно учитывать его влияние на современность, прежде всего через восприятие и историческую память, которую А.М. Пятигорский удачно определил как «направление сознания человека на его прошлое».

Не забираясь в глубь эпох, напомним лишь, что именно «направление сознания на прошлое» — пусть в немалой степени реконструированное или даже смоделированное — сыграло ключевую роль

в формировании японской национальной идеи, в подготовке и осуществлении консервативной революции *Мэйдзи исин* 1868 г. и последовавших за ней преобразований, в выработке идеологии того периода, когда Япония превращалась в современную державу регионального, а затем мирового значения. Хотя, конечно, нынешнего гражданина-избирателя-налогоплательщика больше волнуют повышение налогов, мировые цены на нефть и продовольствие, сокращение государственной поддержки мелкого и среднего бизнеса, а также периодически подбрасываемые через СМИ «страшилки» про КНДР.

Историческая память существует не сама по себе и не в каком-то «химически чистом» виде. Она может быть позитивной и негативной, развиваться естественным путем внутри мыслящей личности или направляться и даже регулироваться внешними факторами. На протяжении всего периода после окончания Второй мировой войны политическая и идеологическая борьба в Японии во многом была «завязана» именно на прошлом страны и народа. Со всей очевидностью это в очередной раз проявилось за последние несколько лет, в том числе после возвращения в декабре 2012 г. на пост премьер-министра лидера консервативного крыла Либерально-демократической партии Абэ Синдзо: он известен интересом к истории, приверженностью к ее ревизионистским трактовкам и особым почтением к национальным традициям. Учитывая ситуацию в стране, регионе, да и в мире в целом, к Японии можно применить наблюдение Е. Ю. Зубковой и А. И. Куприянова, сделанное в связи с историей России: «Любое общество в периоды кризисов сталкивается с явлением актуализации прошлого. В такие моменты история страны, народа более всего подвержена соблазну нового прочтения <...>. На первый план выходят скорее конъюнктурные соображения и политические интересы»¹. В Японии, как и во многих странах, национальная история стала одной из важнейших форм национального самосознания и национальной самоидентификации, поэтому проблемы ее толкования и восприятия представляют не только академический, но и практический интерес.

Толкование национальной истории и руководство ее преподаванием были и остаются важным компонентом государственной

¹ Зубкова Е., Куприянов А. Возвращение к «русской идее»: кризис идентичности и национальная история // Национальные истории в советском и постсоветских государствах. М., 1999. С. 299.

политики в области идеологии и образования. Общественное мнение реагирует на эту политику, оказывая на нее опосредованное, а порой и непосредственное влияние. Трактовка отечественной истории в национально-ориентированном, а в определенные периоды в откровенно националистическом, ключе была присуща официальной японской историографии и педагогике (преподаванию истории в учебных заведениях) от древнейших хроник до 1945 г. Другой важной особенностью этой трактовки было постоянное подчеркивание этического аспекта национальной истории, понимавшейся не просто как сумма знаний, но как средство гражданского и патриотического «морального воспитания». Можно по-разному оценивать содержание конкретных учебников и учебных программ по национальной истории, появившихся в период между *Мэйдзи исин* и Второй мировой войной (не говоря о более ранних), но нельзя не отметить высокой результативности подобной идеологической обработки. С течением времени патриотизм в официальной трактовке национального прошлого нередко превращался в шовинизм и ксенофобию, а на место этических и моральных императивов ставились милитаристские лозунги, но в целом у большинства японцев была воспитана естественная гордость за свою страну и свой народ. Здоровое и мотивированное чувство национальной гордости является одним из условий успешного развития нации и государства, что подтверждается опытом Японии в эпохи Мэйдзи и Тайсё. Однако переход его в шовинизм привел к трагическому итогу.

Поражение Японии во Второй мировой войне и его политические, социальные и духовные последствия открыли новую эру не только в самой национальной истории, но и в ее восприятии. В один момент были сокрушены или поставлены под сомнение все фундаментальные ценности самосознания, воспитания и образования: «небесное» происхождение и сакральный характер императорского дома, вера в «божественную» миссию Японии в мире, в исключительность японского народа и в непобедимость японской армии. Отмена цензуры, амнистия политических заключенных, реформа системы образования, проведенная под жестким контролем оккупационных властей, в корне изменили восприятие собственного прошлого японским обществом. Раньше в нем царил принудительный консенсус, нарушать который было «непатриотично», да и просто опасно. Новые власти не отказались от воздействия на общественное мнение и от манипулирования им, но были вынуждены предоставить

свободу слова оппонентам как справа, так и слева. Часть общества охватила эйфория вседозволенности, да и деятели оккупационной администрации были полны оптимизма относительно перспектив «перестройки» национального сознания. Однако ветеран английского японоведения Дж. Сэнсом, посетивший Японию осенью 1945 г., после бесед с ними писал: «Не думаю, что они понимают, насколько глубока и сильна японская интеллектуальная традиция; похоже, они полагают, что дать Японии новую систему образования так же просто, как портному — сшить новый костюм»². Прагматик и реалист, Сэнсом оказался прав.

Дискуссии по проблемам национальной истории и ее трактовки не утихают в Японии все семьдесят послевоенных лет, то замирая, то усиливаясь, но неизменно привлекая ученых, политиков, общественных деятелей, писателей, журналистов и просто неравнодушных граждан. При этом государство — в лице чиновников всех уровней — старается занимать позицию «золотой середины» и не вступать в идеологически и эмоционально окрашенные споры. Если социальная, духовная и культурная значимость собственного исторического прошлого для японцев не подлежит сомнению, то степень его актуальности для сегодняшних событий и конкретика его восприятия являются предметом постоянных обсуждений и споров в стране и за ее пределами.

Одни авторы восторгаются силой и глубиной исторической памяти японцев, трепетно относящихся к своим национальным традициям, событиям и памятникам далекого прошлого. Действительно, в отношении сохранения и изучения памятников прошлого (в самом широком смысле слова — от реставрации замков до издания древних хроник) у них многому стоит поучиться, но консервация материальных артефактов и поддержание духовных традиций живыми — не одно и то же. Другие объявляют историческую память японцев короткой и избирательной, чтобы не сказать лицемерной, в основном апеллируя к событиям Второй мировой войны и предшествовавшего ей десятилетия. Доля правды есть и в этих утверждениях, но их авторы склонны смешивать идеологию и политику государства и его отдельных институтов, а также игроков на политической арене с исторической памятью индивидуумов, групп и нации в целом.

² Цит. по: *Hosoya C. George Sansom — Diplomat and Historian // European Studies on Japan. Tenterden, 1979. P. 119.*

Отношение современных японцев к своей истории как базовой национальной и социальной ценности характеризуют следующие признаки.

Во-первых, несомненный и искренний, хотя порой неглубокий, интерес к прошлому в масштабах как страны и нации, так и локального общества или семьи. Японцы разного возраста, социального положения и рода занятий охотно читают популярные книги и смотрят фильмы и телепередачи на исторические темы, посещают исторические и краеведческие музеи и выставки, публичные лекции и научные симпозиумы соответствующей тематики (причем в выходные дни).

Во-вторых, преимущественно приватный характер такого интереса, ощущение собственной связи с прошлым, которое в силу этого представляется живым явлением, а не «мертвыми словами седого манускрипта», личным делом, а не предметом государственной политики.

В-третьих, обращенность к материальным памятникам, от письменных до архитектурных, ориентация на физическое сохранение прошлого, в том числе в виде реконструкций. Об этом свидетельствуют не только высокая степень участия Японии в программе ЮНЕСКО «Мировое наследие», но усилия практически любого локального общества и многих семей по сохранению артефактов своей «фамильной» истории, будь то мечи, кимоно, посуда, свитки или фотографии.

В-четвертых, важность и популярность локальной истории в масштабах города, квартала или деревни, что опять-таки усиливает ощущение личной связи с прошлым не только своей семьей, но и места жительства. Характерным примером этого является распространенная практика централизованной, в масштабах города или района большого города, установки на улицах информационных щитов и табличек со сведениями о прошлом данного места, причем не только около памятников истории, культуры и архитектуры или на местах исторических событий. Эту работу курируют отделы образования мэрии, привлекающие специалистов из числа историков и краеведов. В последние годы в крупных городах и туристических центрах текст все чаще дублируется на английском языке.

В-пятых, несомненная избирательность исторической памяти японцев в отношении событий XX в. (на примере других эпох это не столь очевидно) в основном диктуется воздействием внешних

факторов и вызовов, что более заметно на государственном, а не на частном уровне.

В-шестых, историческая память японцев на частном, негосударственном и неинституциональном, уровне не травмирована воздействием гражданских войн или кровавых революций, как во Франции, США или России. Травматические моменты исторической памяти связаны для японцев с их внешней экспансией, в которой реально была задействована лишь малая часть населения страны и которая осуществлялась под жестким контролем государства.

Все перечисленные признаки нельзя считать исключительно японскими. Повышенное внимание к собственному прошлому, воспринимаемому как базовая национальная и социальная ценность, присуще многим народам, причем как древним и гордящимся этой древностью (евреи, китайцы), так и относительно молодым, а потому изучающим свою историю особенно пристально и детально (американцы, австралийцы). Сочетание интереса к национальной и локальной истории, развитие краеведения и «местной» историографии характерно для многих европейских стран, больших и малых, границы которых на протяжении столетий неоднократно менялись, а государственная принадлежность не всегда определяла индивидуальное и групповое национальное самосознание и национальную самоидентификацию. Собираение, сохранение, изучение и издание исторических документов считается делом государственной важности во многих странах, где это осуществляется как в национальном, так и в региональном масштабе (история не только штатов, земель и департаментов, но и исторических областей, границы которых не совпадают с нынешним территориально-административным делением). Консервация исторических артефактов — от черепков до замков — осуществляется не только в локальном или национальном, но в мировом масштабе, став одним из главных направлений деятельности ЮНЕСКО. В результате пренебрежение охраной памятников истории и культуры принято считать признаком нецивилизованности, а их сознательное уничтожение — варварством, заслуживающим всеобщего осуждения. Японская историческая наука достигла выдающихся успехов в изучении прошлого страны и ее народа, однако до сих пор ориентирована преимущественно на публикацию и комментирование источников и на изложение событий, а не на обобщения или построение оригинальных концепций.

Осмысление и трактовка собственного прошлого зависит как от национальных интеллектуальных и культурных традиций, так и от воздействий извне, в том числе травматических. Человеческая история, хотя бы на протяжении XX в., знала несколько попыток насильственного «вытравления» памяти о прошлом в национальном масштабе (достаточно сослаться на примеры СССР и КНР, особенно в эпоху «культурной революции»), которые в итоге окончились неудачей, хотя и нанесли немалый урон национальному самосознанию, не говоря уже о репутации этих стран. Избирательность исторической памяти присуща всем народам со сколько-нибудь длительной историей. У каждого есть «светлое прошлое», которым можно и нужно гордиться, и «темное прошлое», которого следует стыдиться.

Именно в этом наиболее заметно проявляется влияние внешних вызовов, и случай Японии только подтверждает общее правило. Здесь доминирует фактор «победа-поражение». В истории Британской и Французской колониальных империй не меньше «позорных» — по крайней мере, с точки зрения сегодняшней «политкорректности» — страниц, чем в истории Японской колониальной империи. Но об этом «не принято говорить вслух», потому что Япония лишилась колоний в результате поражения во Второй мировой войне. Бывшая в числе победителей Англия и вовремя оказавшаяся на их стороне Франция в послевоенный период тоже лишились своих колониальных владений, но сделали это как бы добровольно. История их колониальной политики остается приглаженной, хотя в ближайшие десятилетия, если не годы, в ее изучении и интерпретации можно ожидать существенных изменений — с учетом таких внутривнутриполитических тенденций в обеих странах, как мультикультурализм и исламизация. В то же время в Японии, а порой и за ее пределами, особенно на Тайване, наблюдается отход от однозначного осуждения «японского колониализма», которое постепенно заменяется изучением «колониационной политики» или «политики развития» с опорой на обширную историко-документальную базу.

Травматическое воздействие преимущественно внешних факторов на историческое сознание и историческую память современных японцев наводит на мысль о возможном сравнении с послевоенной ситуацией в Германии, где безоговорочное осуждение агрессии Третьего Рейха против других стран и народов заметно перевешивает осуждение деяний национал-социалистического режима против

собственного народа, за исключением «еврейского вопроса», имевшего как внутривополитический, так и внешнеполитический аспекты. Авторы японофобской ориентации давно и настойчиво проводят аналогию между нацистской Германией и «милитаристской» Японией, подразумевая под последней режим, сложившийся в 1931–1932 гг. в результате начала активной экспансии в Маньчжурии и краха системы партийных кабинетов. Эта аналогия затрагивает не только события прошлого сами по себе, но и их современное восприятие в обеих странах, как на государственном, так и на частном уровне. Однако японская правящая элита (понимаемая шире, чем нынешний состав правительства или руководства правящей партии), несмотря на «политкорректность», решительно отвергает подобные аналогии, соглашаясь признать за своей страной «военные преступления», но не «геноцид», что является куда более тяжким обвинением со всеми вытекающими последствиями.

В сегодняшней Японии большинство споров, вызванных событиями прошлого и памятью о них, связано с событиями XX в., в которых национальное сознание пытается отыскать «свет» и признает наличие «тени». Послевоенные дискуссии, резонанс от которых распространился далеко за пределы академических кругов и специальных изданий, затронули множество проблем прошлого — от происхождения японской нации до генезиса капитализма в стране, но подлинно национальное значение приобрел, пожалуй, только один круг вопросов: война в Азии и на Тихом океане, ее причины и последствия. Утверждения представителей «культурного национализма» о строгой историчности древних хроник «Кодзика» («Записи о делах древности», 712) или «Нихон сёки» («Анналы Японии», 720), остававшихся каноном официальной историографии до 1945 г., в последнее время звучат все чаще, но за пределами академического истеблишмента. Однако уже никто не повторяет прежних утверждений марксистов о духовной и культурной «отсталости» традиционной Японии. Японцы видят проявление государственной мудрости своих предков и в «закрытии» страны в начале эпохи Токугава, и в ее своевременном, хотя и вынужденном «открытии» два с лишним столетия спустя. Никто не осуждает реформы периода Мэйдзи ни за чрезмерную европеизацию, ни за недостаточность европеизации. Равным образом мало кто сомневается в «справедливости» для Японии войны с Россией в 1904–1905 гг. Только события 1930–1940-х годов остаются предметом страстной

и бескомпромиссной полемики, снова приобретшей в последние годы острополитический характер.

По известному определению Г. А. Бордюгова, «каждое поколение пишет свою историю». Однако сейчас мы видим не просто очередное «переписывание» истории в угоду политической конъюнктуре или чьим-то личным интересам, но решение принципиально важных вопросов национального самосознания и национальной самоидентификации: будут ли японцы гордиться своей историей или стыдиться ее. «Вина», «ответственность», «покаяние», «национальная гордость», «национальные интересы», «прошлое ради будущего» — ключевые слова и понятия, которыми оперируют все участники дебатов в национальном и в международном масштабе; каждый трактует их по-своему и склонен считать правым только себя. В обозримом будущем споры вряд ли завершатся, поскольку немалая часть спорящих озабочена поиском не исторической истины, а политических дивидендов. Мыслящему человеку, вовлеченному в идеологические и социальные процессы, надо осознать это и попытаться отделить историю от политики, поиск истины (пусть относительной) от поиска выгоды. Особенно если речь идет о болезненных сюжетах, которых в истории Японии XX в. немало.

Как многие другие народы, японцы издревле высоко ставили воинские доблести, поэтому военные сюжеты занимали важное место в их исторической памяти. Так продолжалось до поражения во Второй мировой войне, после которой победители предложили побежденным навеки забыть о «бранной славе». Полностью искоренить эту память было невозможно — не только из-за почтения к воинским подвигам, но и в силу традиции почитания умерших, в том числе павших на поле боя. Военный аспект сохранился в безобидной, с точки зрения «политкорректности», форме самурайской романтики, воспринимаемой в нынешней Японии как «свое кровное», но никак не связанное с современностью. Значимым исключением остается русско-японская война 1904–1905 гг. — единственная война, которой Япония может гордиться и сегодня. Абсолютное большинство японцев до сих пор уверено, что эта война, во-первых, была вынужденной обороной от экспансии Российской империи на Дальнем Востоке, а во-вторых, была блистательно выиграна Японией из-за материального и, главное, духовного превосходства ее армии и флота. Такой трактовке уже более ста лет: она — современница событий, что подчеркивает ее идеологическое и даже пропагандистское

происхождение. Добавим, что война протекала не на территории самих воюющих стран (за исключением Сахалина) и не затронула напрямую их гражданское население, а потому не вызвала взаимного озлобления и ненависти.

Мероприятия по случаю столетия начала и окончания войны в Японии в 2004–2005 г. (десять лет спустя очередная дата прошла незамеченной) не имели милитаристского или антирусского характера, но были сосредоточены на почитании памяти павших и на подчеркивании важности дружбы с Россией (конечно, не без напоминаний о «проблеме северных территорий»). Это не так странно и неожиданно, как может показаться, поскольку «золотой век» двусторонних отношений пришелся на первое послевоенное десятилетие, от Портсмутского мирного договора 1905 г. до русской революции 1917 г. Однако Япония начала боевые действия против России, с которой была связана рядом договоров и соглашений, внезапной атакой на ее флот еще до официального объявления войны. Американцы до сих пор не могут забыть японцам аналогичного нападения на Пёрл-Харбор 7 декабря 1941 г., японцы русским — вступления СССР в войну против них 9 августа 1945 г., при действующем пакте о нейтралитете, но своей ответственности за такое начало русско-японской войны не чувствуют.

Недавняя вспышка в Японии интереса к этой войне обусловлена еще и тем, что события полностью отошли в область прошлого, лишившись политической и социальной актуальности. Живых свидетелей больше нет, память о погибших сохраняется (прежде всего и преимущественно на локальном, частном уровне), но ныне здравствующие их уже не помнят. Россия — по крайней мере, официально — не подчеркивает наличие «счетов с Японией», о которых говорил Сталин в сентябре 1945 г. Постыдных деяний во время этой войны японская армия не совершала, так что каяться не за что. На прилавках магазинов даже появилось памятное пиво «Цусима» с портретом адмирала Того, посвященное, как гласила надпись на банках, русско-японской дружбе. Правда, о виски «Пёрл-Харбор» автор этих строк не слышал...

Русско-японская война — яркий пример столкновения экспансионистских интересов двух держав, межимпериалистического конфликта, в котором лишь профессиональный пропагандист может однозначно указать правых и виноватых. Япония как лидер Азии в борьбе против «белого империализма», конечно, не может

появиться в современной официальной идеологии и пропаганде, как это было во время Второй мировой войны. Однако в исторической памяти — групповой, не индивидуальной — немалого количества японцев заложено то, что их страна помогала Сунь Ятсену, Сукарно и Субхас Чандра Босу и что Ба Мо и Хосе Лаурель были не просто «марионетками», но боролись за независимость Индии и Индонезии, Бирмы и Филиппин от колониального владычества. Именно с политикой Японии в Азии в период с 1905 г. (окончание русско-японской войны и, как следствие этого, де-факто аннексия Кореи и первые территориальные приобретения в Китае) по 1945 г. связано наибольшее количество «болевых точек» в отношениях Токио с соседями, прежде всего с КНР и Республикой Корея, а в последнее время и с Вашингтоном, озабоченным осложнениями между своими союзниками в регионе.

В Японии существует огромное количество литературы о войне в Азии и на Тихом океане, причем оно увеличивается с каждым годом. Многие участники событий написали мемуары; многие из тех, кто не успел это сделать, оставили дневники и письма, нашедшие издателей и читателей. В них немало «суровой правды о войне», много оправданий, мало апологии и почти нет разоблачений. Разоблачения стали уделом прокоммунистических и леволиберальных писателей и журналистов, далеко не все из которых видели войну своими глазами. Они были больше знакомы с реалиями колониальной политики в Корее и Маньчжурии, осуждение которой заняло значительное место в их произведениях. Именно эта литература активно переводилась на иностранные языки, а в СССР издавались книги только такого содержания («Кухня дьявола» Моримура Сэйити, «Условия человеческого существования» Гомикава Дзюмпэй и др.). Вышедшие большими тиражами, они до сих пор воспринимаются многими читателями в России как надежный исторический источник, особенно при недостаточной доступности более объективной информации — или нежелании ее искать. Судить о Японии довоенных и военных лет *только* по этим книгам — все равно, что изучать советский период только по «Архипелагу ГУЛАГ» или коммунистическую идеологию — только по Геббельсу и Розенбергу.

Послевоенное перевоспитание, «переформатирование» национального самосознания и исторической памяти в духе решений Международного военного трибунала для Дальнего Востока (МВТДВ), с одной стороны, и коммунистической и социалистической

идеологии, с другой, внушали японцам, что во всем виноваты они сами или, по крайней мере, их правители, но никак не внешние силы. Процессы над «военными преступниками» и их осуждение, включая смертные приговоры, были приняты обществом относительно спокойно, но скорее как закономерная кара по принципу «горе побежденным», нежели как торжество права и справедливости. Сами японцы никого не судили: здесь не было «денацификации», а «чистки» и «люстрации» проводились оккупационными властями или по их прямому указанию. Японцам запрещали гордиться войной, причем не только генералами, но и рядовыми, однако почитание памяти погибших — слишком давняя и живая национальная традиция, чтобы ее можно было директивно уничтожить. Отношение общества к прошлому до сих пор балансирует между этими крайностями. Многовековая традиция почитания павших, отказаться от которой японцы не могут, объявляется не имеющей ничего общего с оправданием милитаризма.

Символом этого стала известная, хотя зачастую превратно трактуемая (особенно в СМИ) «проблема Ясукуни»³ — синтоистского святилища, которое посвящено памяти всех погибших в боях за Японскую империю и в котором, среди прочих, почитаются души «военных преступников», казненных по приговору МВТДВ или умерших в заключении. Визиты японских премьер-министров и других официальных лиц в храм Ясукуни (особенно 15 августа — в день, который в Японии считается днем окончания Второй мировой войны) и даже перспектива такого визита становятся предметом ожесточенной антияпонской кампании в КНР и РК, официальных протестов со стороны внешнеполитических ведомств этих стран и сдержанно-осуждающих комментариев американской, а порой и европейской прессы. Напомню лишь известную фразу Накасонэ Ясухиро, первого кто в бытность главой правительства придал посещениям храма демонстративно-официальный характер, о том, что он пришел в Ясукуни не к Тодзио — премьер-министру в 1941–1944 гг. и главному военному преступнику, а к своему брату, погибшему на войне. Следует отметить, что другие мемориалы, не только светские, но и религиозные, посвященные памяти павших, в том числе филиалы Ясукуни во всех префектурах страны, такой реакции

³ Подробнее: *Молодякова Э.В.* Проблема святилища Ясукуни // Синто: память культуры и живая вера. М., 2012. С. 210–230.

не вызывают и вообще как правило не попадают в сферу политической активности и медийного внимания.

Отделенный от государства в 1945 г. храм Ясукуни и существующий при нем негосударственный военный музей Юсюкан («Обитель духов героев») — символ мучительной раздвоенности отношения японцев к своему «темному прошлому». Святилище пользуется популярностью у народа, включая молодежь, — свидетельствую об этом на основе многолетних личных наблюдений. Однако школьному учителю не придет в голову привести сюда своих учеников: тогда не избежать нареканий со стороны начальства и родителей. В книжной лавке музея продается «апологетическая» литература о войне в Китае и на Тихом океане, зачастую выпущенная крупными издательствами, но ее почти не переводят на иностранные языки. Зато здесь нет разоблачительной литературы, в изобилии представленной на японском и английском языках, включая произведения японских авторов, в крупных книжных магазинах. Двойной стандарт в действии, но все приличия сохранены.

Основными политическими «болевыми точками» прошлого, символом которого для многих является Ясукуни, остаются: аннексия Кореи и сорокалетнее колониальное господство Японии на полуострове, включая проблему «женщин комфорта», которая приобрела особенную остроту во второе премьерство Абэ; экспансия в Китае, с акцентом на «нанкинскую резню» 1937 г. (об оккупации Маньчжурии в 1931 г. и создании годом позже марионеточного государства Маньчжоу-го почему-то вспоминают намного реже); территориальная принадлежность островов Сэнкаку / Дяоюйдао и Лиянкур / Такэсима / Токто.

Значительная часть японцев пребывает в убеждении, что, заключив в 1950–1960-е гг. мирные договоры с бывшими противниками, установив дипломатические отношения со странами Азии, принеся им извинения и выплатив репарации и компенсации, Токио навсегда закрыл проблему. В нормализации отношений с некоммунистическими странами Азии ведущую роль сыграл Киси Нобусукэ⁴ (дед премьер-министра), который в 1957–1960 гг. возглавлял японское правительство. В годы войны Киси входил в кабинет Тодзио, после войны находился под арестом как «военный преступник», но был

⁴ Мещерин В. П. Возвращение в Азию: Киси Нобусукэ // Япония второй половины XX века: проблемы и судьбы. М., 2003. С. 88–89.

освобожден без суда. Новая волна напоминаний об ответственности Японии за ее прошлые грехи началась в конце 1980-х гг., высоко поднялась в 1990-е гг. и не спадает по сей день. Не помогли даже окончательные извинения, которые принесли в 1995 г. император Акихито и премьер Мураяма Томиити по случаю 50-летия окончания войны, а затем в 2010 г. премьер Наото Кан в связи со 100-летием аннексии Кореи, официально оформленной как «объединение».

Между Токио и Сеулом нет реального политического антагонизма, даже по проблеме островов Лиянкур, в отношении которых японцы не решатся ни на какие активные действия, но есть понимание общих стратегических и тактических интересов в сферах как обороны и безопасности в регионе, так и экономики. На приватном уровне не все японцы видят в Республике Корея друга или хотя бы союзника, но едва ли кто-то считает ее врагом и, во всяком случае, никогда не признается в этом публично. В сегодняшней Японии этнически окрашенные антикорейские высказывания будут восприняты обществом примерно так же, как юдофобские — в Германии. На открытое одобрение давней аннексии Кореи могут рискнуть лишь ультраправые радикалы, которым в плане репутации нечего терять, ибо для публичной персоны, не говоря о человеке «при должности», такое заявление равносильно политическому самоубийству. Консерваторы не идут дальше напоминаний о вкладе Японии в материальное развитие Корейского полуострова⁵, но и это вызывает недовольство леволиберального мейнстрима. «Наследие мрачных времен» остается незаживающей раной — точнее раной, которой не дают затянуться.

В Республике Корея японофобия — в форме памяти о колониальном прошлом по принципу «не забудем, не простим» — не просто является «политически корректной», но входит в канон государственной политики. Поддержанию памяти о «вине» и «зверствах» Японии

⁵ Наиболее радикальные работы в этом ключе написаны не-японцами: *Чхве Ги Хо* (яп. *Тэ Кихо*): 1) Никкан хэйго-но дзидзицу (Правда о японо-корейском объединении). Токио, 2003; 2) Никкан хэйго. Рэкиси сайкэнсё (Японо-корейское объединение. Пересмотр истории). Токио, 2007; *Хуан Вэнь-сюн* (яп. *Ко Бунъю*): 1) Канкоку ва нихондзин га цукутта (Японцы создали Корею). Токио, 2012 (впервые: 2005); 2) Канкокудзин-ни осизэтай Нихон то Канкоку-но хонто-но рэкиси (Подлинная история Японии и Кореи, которую я хочу рассказать корейцам). Токио, 2013. Первый автор — кореец, второй — тайванец; оба живут в Японии.

служат многочисленные мемориалы и «музеи японской оккупации», книги и кинофильмы, научные труды и популярные брошюры. В основном это предназначено для «внутреннего употребления», хотя иностранных туристов не проведут мимо таких мемориалов, а государственные и частные структуры охотно поддерживают изучение иностранцами «японской экспансии» или «антиколониальной борьбы». Такая политика легко объяснима, однако препятствует объективному и всестороннему исследованию колониального периода корейской истории в РК и не способствует этому за рубежом. Табуированными остаются и связанные с ним темы, вроде службы корейцев в колониальной администрации или в японской императорской армии.

Символом восприятия прошлого как социальной ценности и одновременно политической проблемы является история с убийством в 1909 г. в Харбине председателя Тайного совета Японии Ито Хиробуми корейцем Ан Чунгын. В исторической памяти корейцев (в данном случае подкрепленной многими десятилетиями идеологической обработки) Ито остался лишь как японский «генерал-резидент» (фактически вице-король) в 1906–1909 гг., при котором был сформирован режим протектората и подготовлена аннексия де-юре, состоявшаяся уже после его гибели. Однако для Японии Ито — один из величайших государственных деятелей и, возможно, крупнейший реформатор эпохи Мэйдзи, в числе прочего четырежды занимавший пост премьер-министра, трижды возглавлявший Тайный совет и руководивший созданием Конституции 1889 г. В Японии ему поставлено много памятников, включая статую в здании парламента, открыты музеи, переиздаются труды и документы, а в 1963–1986 гг. его портрет помещался на банкноте в тысячу иен. Соотечественники закономерно гордятся Ито — для своей эпохи он даже по нынешним «политкорректным» меркам не может считаться «злодеем» — и не могут одобрить его убийство, какие бы мотивы за этим ни стояли. За пределами Японии (кроме двух корейских государств и, с оговорками, КНР) Ито признан как выдающийся государственный деятель своего времени. Его убийцу называют «националистом», «фанатиком» и «террористом», а некоторые ученые высказывают сомнения в его вменяемости. На родине Ан Чунгын, казненный за совершенное убийство, считается героем и мучеником национально-освободительного движения, примером для подражания (в Сеуле ему поставлен памятник), хотя его поступок вызвал ужесточение

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	4
Введение. Прошлое как социальная ценность и политическая проблема	5

ИДЕИ

Синто и японская мысль	29
Синто как интегральная Традиция	29
Синто и школа «национальных наук»	31
Синто и духовные основы консервативной революции Мэйдзи исин	49
Синто и возрождение традиционализма в японской мысли	63
Синто и восприятие национальной истории	80
Лики японского консерватизма	94
Ностальгия по «золотому веку»	95
Закрепление успеха	100
Либеральные консерваторы	104
Консервативные революционеры	108
Японский национальный социализм: слово и дело Окава Сюмэй ...	113

ПРОПАГАНДА

«Образцовая колония»: колониальный Тайвань и моделирование образа Японии, 1900–1930-е годы	139
Антияпонская пропаганда в годы Первой мировой войны: журнал «Fatherland», 1914–1917 гг.	159
Поиски героя: посмертная жизнь Рихарда Зорге	176
Генерал Уиллоуби идет по следу	176
Кто предатель?	180
«Двойной агент» из лжемемуаров	188
Герой для шпионского триллера.	190
Возвращение товарища Зорге	192

ПЕРСОНАЛИИ

Япония Клода Фаррера: страна и ее политика	201
Николай Рерих и Япония: неизвестные страницы	220
Выставка японского искусства в Музее Рериха и ее политический фон: январь-февраль 1932 г.	220
Рерих в Японии: люди и встречи, май 1934 г.	228
Указатель имен	239

Научно-популярное издание

Василий Элинархович Молодяков

НЕПРОШЕДШЕЕ ПРОШЛОЕ
Очерки политической и интеллектуальной истории Японии
XIX–XX веков

Корректор *В.Т. Мусбахова*
Оригинал-макет *Л.Е. Голод*
Дизайн обложки *М.А. Девлин*

Подписано в печать 26.12.2018. Формат 70×100¹/₁₆
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 20. Заказ № 1553. Тираж 500 экз.

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86

Синто и японская мысль

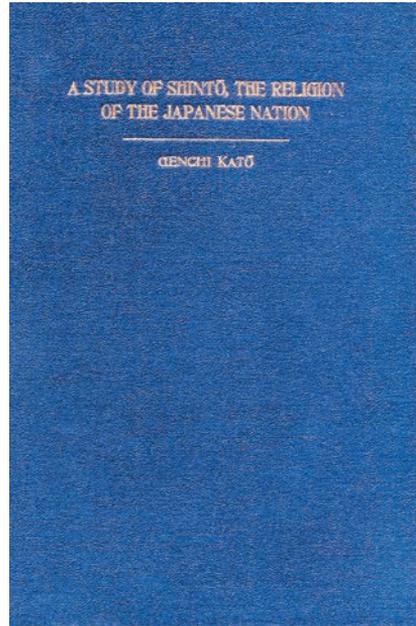
Мотоори Норинага

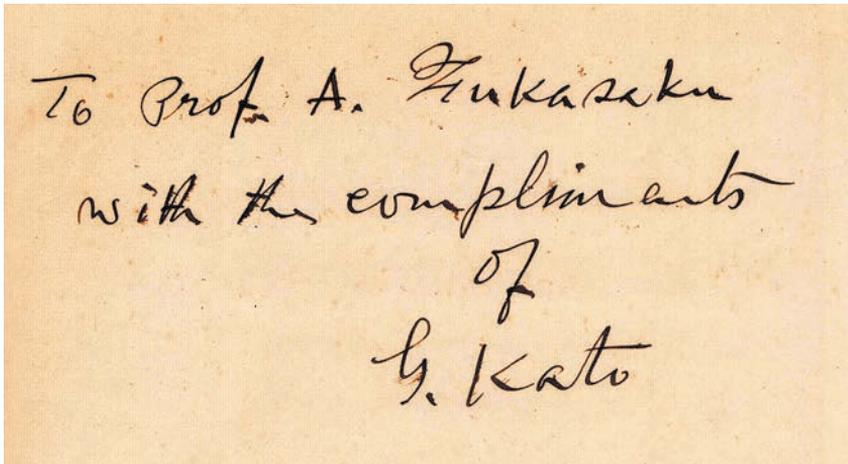
Хирата Ацутанэ

Като Гэнти

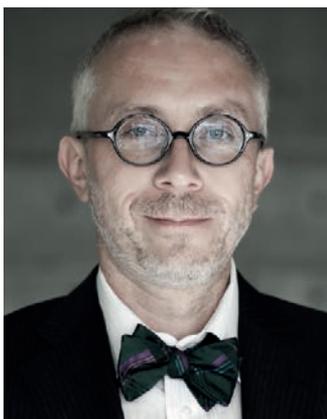

Книга Като Гэнти «Исследование синто, религии японской нации» (1926)

Инскрипт Като Гэнти проф. Фукасаки Акира на книге «Исследование синто, религии японской нации»

МОЛОДЯКОВ
Василий Элинархович
/р. 1968/

Историк, политолог,
собиранитель. Окончил
Институт стран
Азии и Африки МГУ.
Доктор политических
наук (МГУ), доктор
философии (Токийский
университет),
кандидат исторических
наук (МГУ).
Ведущий научный
сотрудник Института
востоковедения РАН.
Профессор
Международного
института японской
культуры университета
Такусёку (Токио).
Специалист по новой
и новейшей истории
Японии и истории
международных
отношений первой
половины XX века.
Автор более 30 книг,
включая две на
японском языке.